

**ГА
РИ
КИ**

НА
КАЖДЫЙ
ДЕНЬ

ИГОРЬ ГУБЕРМАН

**ЕВРЕЙСКИЕ
МЕЛОДИИ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Г93

Губерман, Игорь Миронович.

Г93 Еврейские мелодии / Игорь Губерман. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Гарики на все случаи жизни).

ISBN 978-5-699-84187-5

В новом сборнике Игоря Губермана «Еврейские мелодии» собраны искрометные и неизменно ироничные гарики о евреях. Каждая «мелодия» имеет свое неповторимое звучание — ведь Губерман умелый музыкант, ему подвластны и тамбурин, и арфа, и серебряные трубы. Иудейскую ноту автор слышит везде: и в хрусте рублей, и в звоне копеек.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Губерман И., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-84187-5

**ОБГУСЕВШИЕ
ЛЕБЕДИ**

ВСТУПЛЕНИЕ 1-Е

Прекрасна улица Тверская,
где часовая мастерская.
Там двадцать пять евреев лысых
сидят — от жизни не зависят.
Вокруг общественность бежит,
и суета сует кружит;
гниют и рушатся режимы,
вожди летят неудержимо;
а эти белые халаты
невозмутимы, как прелаты,
в апофеозе постоянства
среди кишящего пространства.
На верстаки носы нависли,
в глазах — монокли, в пальцах — мысли;
среди пружин и корпусов,
давно лишившись волосов,
сидят незыблемо и вечно,
поскольку Время — бесконечно.

ВСТУПЛЕНИЕ 2-Е

В деревне, где крупа пшено
растет в полях зеленым просом,
где пользой ценится гавно,
а чресла хряков — опоросом,
я не бывал.

Разгул садов,
где вслед за цветом — завязь следом
и зрелой тяжестью плодов
грузнеют ветви,
мне неведом.

Далеких стран, чужих людей,
иных обычаев и веры,
воров, мыслителей, блядей,
пустыни, горы, интерьеры
я не видал.

Морей рассол
не мыл мне душу на просторе;
мне тачкой каторжника — стол
в несвежей городской конторе.

Но вечерами я пишу
в тетрадь стихи,
то мглой, то пылью
дышу,

и мирозданья шум
гудит во мне, пугая Цилю.
Пишу для счастья, не для славы,
бумага держит, как магнит,
летит перо, скрипят суставы,
душа мерцает и звенит.
И что сравнится с мигом этим,
когда порыв уже затих
и строки сохнут? Вялый ветер,
нездешний ветер сушит их.

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ

Это жуткая работа!
Ветер воет и гремит,
два еврея тянут шкоты,
как один антисемит.
А на море, а на море!
Волны ходят за кормой,
жарко Леве, потно Боре,
очень хочется домой.
Но летит из урагана
черный флаг и паруса:
восемь Шмулей, два Натана,

у форштевеня Исак.
И ни Бога нет, ни черта!
Сшиты снасти из портьер;
яркий сурик вдоль по борту:
«Фима Фишман, флибустьер».
Выступаем! Выступаем!
Вся команда на ногах,
и написано «Ле хаим»
на спасательных кругах.
К нападению все готово!
На борту ажиотаж:
— Это ж Берчик! Это ж Лева!
— Отмените абордаж!
Боже, Лева! Боже, Боря!
— Зай гезунд! — кричит фрегат;
а над лодкой в пене моря
ослепительный плакат:
«Наименьшие затраты!
Можно каждому везде!
Страхование пиратов
от пожара на воде!»
И опять летят, как пули,
сами дуют в паруса
застрахованные Шмули,
обнадеженный Исак.

А струя — светлей лазури!
Дует ветер. И какой!
Это Берчик ищет бури,
будто в буре есть покой.

БОРОДИНО ПОД ТЕЛЬ-АВИВОМ

Во снах существую и верю я,
и дышится легче тогда;
из Хайфы летит кавалерия,
насквозь проходя города.
Мне снится то ярко, то слабо —
кошмары бессонницей мстят;
на дикие толпы арабов
арабские кони летят.
Под пенье пуль,
взметающих зарницы
кипящих фиолетовых огней,
ездовый Шмуль впрягает в колесницу
хрипящих от неистовства коней.
Для грамотных полощется, волнуя,
ликующий обветренный призыв:
«А идише! В субботу не воюем!
До пятницы захватим Тель-Авив!»

Уже с конем в одном порыве слился
нигде не попадающий впросак
из Жмеринки отважный Самуилсон,
из Ганы недоеденный Исак.

У всех носы, изогнутые властно,
и пейсы, как потребовал закон;
свистят косые сабли из Дамаска,
поет «индрерд!» походный саксофон.

Черняв и ловок, старшина пехоты
трофейный пересчитывает дар:
пятьсот винтовок, сорок пулеметов
и обуви пятнадцать тысяч пар.

Над местом боя солнце стынет,
из бурдюков течет вода,
в котле щемяще пахнет цимес,
как в местечковые года.

Ветеринары боевые
на людях учатся лечить,
бросают ружья часовые,
Талмуд уходят поучить.

Повсюду с винным перегаром
перемешался легкий шум;
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» —
поет веселый Бенья Шуб.

Бойцы вспоминают минувшие дни
и талес, в который рядились они.

А утром, в оранжевом блеске,
по телу, как будто ожог,
отрывисто, властно и резко
тревогу сыграет рожок.
И снова азартом погони
горячие лица блестят;
седые арабские кони
в тугое пространство летят.
Мы братья — по пеплу и крови.
Отечеству верно служа,
мы — русские люди,
но наш могоендовид
пришит на запасный пиджак.

КУХНЯ И САНДАЛИЙ

Все шептались о скандале.
Кто-то из посуды
вынул Берчкин сандалий.
Пахло самосудом.
Кто-то свистнул в кулак,
кто-то глухо ухнул;
во главе идет Спартак
Менделевич Трухман.

Он подлец! А мы не знали.
Он зазвал и пригласил
в эту битву за сандалий
самых злостных местных сил.
И пошла такая свалка,
как у этих дурачков.
Никому уже не жалко
ни здоровья, ни очков.
За углом, где батарея,
перекупщик Пиня Вайс
мял английского еврея
Соломона Экзерсайс.
Обнажив себя по пояс,
как зарезанный, крича,
из кладовой вышел Двойрис
и пошел рубить сплеча.
Он друзьям — как лодке руль.
Это гордость наша.
От рожденья имя — Сруль,
а в анкете — Саша.
Он худой, как щепочка,
щупленький, как птенчик,
сзади, как сурепочка,
спереди, как хренчик.
Но удары так и сыпет!
Он повсюду знаменит,

в честь его в стране Египет
назван город Поц-Аид.
Он упал, поднялся снова,
воздух мужеством запах;
«Гиб а кук! — рыдали вдовы.
— Не топчите Сруля в пах!»...
Но — звонок и тишина...
И над павшим телом —
участковый старшина
Фима Парабеллум.
...Сладкий цимес — это ж прелесть!
А сегодня он горчит.
В нем искусственная челюсть
деда Слуцкера торчит.
Все разбито в жуткой драке,
по осколкам каждый шаг,
и трусливый Леня Гаккель
из штанов достал дуршлаг.
За оторванную пейсу
кто-то стонет, аж дрожит;
на тахте у сводни Песи
Сруль растерзанный лежит.
Он очнулся и сказал:
«Зря шумел скандальчик:
я ведь спутал за сандал
жареный сазанчик».